

В.Ю. КОМБАРОВ

Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН, Новосибирск

**КОГДА СУБЪЕКТ ДАЕТ ОТПОР:
ОТ ОТЧУЖДЕННОГО ТРУДА К РИЗОМЕ
И НЕЛИНЕЙНОМУ ДЕЙСТВИЮ**

В статье рассматривается проблема субъектности человека труда в связи с типом социальных структур предприятий (организаций). Автор полагает, что в современных древовидных, вертикально-иерархических структурах преобладает гипо-субъектность работников, имеет место явление «смерти субъекта». Альтернативой выступает ризомная структура, позволяющая «воскресить» субъекта, уменьшить его жесткую фиксацию в системе и придать его социальному действию нелинейный, процессуальный характер.

Ключевые слова: субъект труда, ризома, процессуальность, социальная структура.

**WHEN THE SUBJECT IS FIGHTING BACK:
FROM ALIENATED LABOR TO RHIZOME
AND NON-LINEAR ACTION**

The relations between problem of subjectivity of the workers and type of social structures of enterprises (organizations) is the central problem of this article. The author supposes that in the current tree-vertical-hierarchical structures dominates hypo-subjectivity of workers – phenomenon of the «death of the subject». An alternative is the rhizome structure which allows to «resurrect» the subject and to reduce its firmly fixation in the system and to make his social action non-linear.

Key words: subject of labor, rhizome, processuality, social structure.

*Когда человек рождается, он слаб и гибок,
когда умирает, он крепок и черств.
Когда дерево растет, оно нежно и гибко,
а когда оно сухо и жестко, оно умирает.
Черствость и сила спутники смерти, гиб-
кость и слабость выражают
свежесть бытия.
Поэтому что отвердело, то не победит.*

(Из кинофильма «Сталкер», 1979 г.)

Введение

Если ранние работы постструктуралистов (постмодернистов) изобиловали утверждениями и настроениями относительно смерти субъекта, его «задавленности» доминирующими дискурсами власти, труда, капитала и т.д., то более поздние их труды демонстрируют некоторую ревизию понятий «субъект» и «субъектность», показывают возможности реанимации действующего социального агента как полноценного носителя власти, проводника своей воли, как производителя и реализации намерений и желаний. Такое «воскрешение» становится, во-первых, возможным благодаря развитию представлений о новых свойствах той социальной обстановки (окружения, условий), в границах которой происходит конструирование субъекта, инвестирование в новые формы субъективности. Во-вторых, надежды на реанимирование человеческой субъективности крепнут благодаря новым идеям о самой «микрофизической» природе возможного нового субъекта. В пост-пост-модернизме он мыслится не как статический социальный конструкт, то есть как раз и навсегда кристаллизованное производное социальных практик, не как узор, выгравированный наложением социальной кальки на сознание, мышление и деятельность индивида, не как манекен, проговаривающий некий дискурс, а скорее как процесс создания гетерогенной и разнообразной процессуальности. Картографирование динамического социального пространства сменяет наложение на него калек и, как следствие, отвергает воспроизводство стандартизированных социальных типов, характеров, практик. Иными словами, можно сказать, что субъект – это событие. Да, он – становление, он – процессуальность.

Мертв ли субъект?

Имеются ли основания для того, чтобы согласиться с апологетами постмодернистской концепции субъекта в том, что существование субъекта (в картезианском понимании) и в самом деле выглядит весьма проблематичным, а зачастую и вовсе невозможным? Удивительно, но само понятие «субъект» имеет совсем недолгую историю, восходящую к Рене Декарту, провозгласившего знаменитое «*Cogito ergo sum*». Способность к познанию окружающей действительности, наличие воли, направленной на этот объективный мир, желание изменять реальность в соответствии

со своими представлениями абортирует мыслящего индивида из животного мира и делает его субъектом в полном смысле слова. Следовательно, тезис постмодернистов заключается в том, что в современных условиях существование такого субъекта сведено к нулю.

Впрочем, не стоит забывать о том, что уже научное сознание модернизма демонстрировало большую долю скепсиса относительно возможности сохранения автономии социального индивида как существа мыслящего, критически подходящего к разному роду социальным ситуациям, имеющего собственную позицию, волю и стратегию поведения. Достаточно вспомнить ключевые работы модернистов, посвященные таким социальным проблемам как омассовление индивидуальных сознаний, а также усиливающиеся рационализация и бюрократизация общества (М. Вебер, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Лебон). Всеобщая обезличенность, понижение рефлексивности, унификация интеллектуальной и творческой активности выступали на рубеже XX столетия и выступают в наши дни критериями исчезновения такого явления как личность и появления социального типа статиста, функционера, выступающего без особых сопротивлений проводником чужой воли и власти.

Затем была активная деятельность Франкфуртской социологической школы, углубившей понимание механизмов формирования массового общества, сведения личности, субъекта к одномерной структуре потребностей, мотиваций и т.д. (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер). Культурные механизмы унификации и развитие технологий, вставших на службу этой «культуриндустрии», сделали свое дело в процессе адаптации масс к экономическим условиям того времени, какими бы антиличностными и антигуманными они не были.

Поэтому неудивительно, что концепция субъекта и вовсе начинает трещать по швам, когда на социологической авансцене начинают звучать голоса постмодернистов, предвещающие неминуемую гибель независимого, самореферентного индивида, погребенного под тяжестью общества потребления и жидкой современности (Ж. Бодрийяр, З. Бауман). Развитие представлений об обществе как о семантической системе, функционирующей по законам лингвистики и языка, породило версии субъекта, детерминированного различными дискурсами власти, капитала, литературы, СМИ, политики и т.д. (М. Фуко, Р. Барт). В связи с этим

активно используется выражение «инвестирование всубъекта»: посредством знания-власти раздувается пузырь субъектности, который в итоге оказывается «мыльным». В конце концов, радикальная иррациональность нашей эпохи, низвержение единственно достоверных картин мира и ценностных ориентиров низвергает «субъекта» с постамента смысла в тотальное бессмыслие. «Возможность моего «я» – в конечном счете, безумная недостоверность» – писал Ж. Батай [4, с. 951].

От древовидных структур к ризоме

Постбюрократичность – основная интенция современных социологических и экономических исследований, проводимых в контексте проблематики типов, видов социальных структур, в границах которых происходит конституирование субъекта труда в современных организациях. С данной точки зрения современные производственные отношения характеризуются не просто как постиндустриальные, но как стремящиеся стать постбюрократическими [11]. Ожидается, что дебюрократизация социальной структуры предприятий будет иметь все большее значение по мере освоения технологических инноваций, так как отличительной особенностью работы в инновационном секторе станет повышение уровня образования работников и их возрастающее участие, включенность (в противовес) отчуждению в жизнь предприятия на всех уровнях (социальном, экономическом и т.д.). Это обусловлено, в частности, потребностью в непрерывной модернизации предприятий, перманентным процессом роста – тем, что определяется как «job redesign» [5, 7]. Предполагается, что потребность в непрерывном изменении социальной и других подструктур предприятия вызвана высокими темпами технического развития и конкуренцией на экономическом рынке, а, следовательно, необходимостью адаптироваться к ним.

Очевидно, что до безысходности жесткие, до головокружения вертикальные, или же магнетически территориализующиеся вокруг центра власти и управления на предприятии социальные структуры, имеют наименьший шанс к непрерывным изменениям и «тюнингу» в условиях постоянных флуктуаций экономического поля. Отчуждение в таких условиях классически понимается как результат структурных условий организации, ее бюрократического устройства и функционирования и операционализируется через категории состояния бессилия, беспомощности труженика,

ощущения им бессмысленности выполняемых действий, а также самоотчуждения работника [3, 10]. Принципиальными характеристиками социальной архитектоники предприятий, которые способствуют проявлению отчуждения, и купированию субъектности являются такие формы социальной структуры как централизованность и формализованность [8]. Централизованность отчуждает труженика от возможности самостоятельно изменять параметры трудовой деятельности и влиять на ход различных процессов на предприятии, принимать участие в выработке решений, а жестко формализованные правила и процедуры ограничивают мотивационный уровень работников [7, 9].

Субъект труда или скорее его антипод в данном случае жестко фиксирован в отведенной ему точке социального пространства взаимодействия на предприятии. Возможности его социального действия линейно детерминированы. Сеть ограничений, опутывающая такого носителя антиподной субъектности, распространяется практически на все сферы, где могла бы проявляться его процессуальность. Работник с гипо-субъектностью находится как бы на периферии социальной структуры организации, выступает объектом восприятия и исполнения, доходящих до него по централизованным каналам дискурсов приказов, норм и обязанностей, заработной платы и даже доступных ему прав. Такое положение дел согласуется с представлениями Ж. Бодрийяра об импловивности социального, неспособности более субъектов на какой либо отклик, ответ, эксплозивную отдачу[1]. Социальный субъект (будь то масса или индивид) – это черная дыра, в которой исчезает и аннигилируется социальное.

Можно было бы подумать, что французский социолог сгущает краски, ведь процессы элементарного взаимодействия индивидов в обществе, как правило, воспринимаются за чистую монету социального, общественного, интерсубъективного. Классическая социология учит нас, что действие индивида является социальным в том случае, когда оно направленно на другого индивида, включает в себя мотив по отношению к другому (Дюркгейм, Вебер и т.д.). Однако, процесс, который можно было бы назвать красивым словосочетанием «социальная коммуникация» есть, судя по всему, не более чем эхолокация – если массы или индивид еще способны выступать источником передачи социального смысла, то смысл этот не несет в себе никакого социального нарратива, а есть скорее эхо, отраженный или воспроизведенный

дискурс. Говорящий социальный агент не является самореферентным субъектом, в процессе говорения он не ссылается на самого себя, не производит собственную социальную логику и социальный смысл. Не походим ли мы все сегодня на респондентов социологических опросов, обреченных отражать смысл и заложенные в анкетах инварианты возможных ответов?

Вертикально-жестко-центрированную социальную структуру организации можно назвать «деревом» или «корнем», а постбюрократическую ризомой в том смысле, какой этим понятиям придают Ж. Делез и Ф. Гваттари [6]. Дерево как тип социальной структуры организации являет собой воплощение централизованного пространства, потоки социальных взаимодействий в которых детерминированы бинарными оппозициями начальник/подчиненный, младший/старший служащий и т.п. Взаимодействие сотрудников в таких организациях ограничено большим количеством различных социальных перегородок, социальных сегментов (страт), которые ограничивают субъектность и самостоятельность работника, сдерживают его участие в решении производственных задач, очерчивают заужают поле его деятельности. Организация-дерево венчается административной «кроной», властно спускающей по древу свои распоряжения. Социальное взаимодействие, профессиональная активность в таких организациях всегда опосредуется промежуточными инстанциями (бухгалтерией, заместителями и т.д.). Неслучайно Делез и Гваттари приводят образ бюрократической организации, представленный Ф. Кафкой, как пространства с бесконечным множеством сегментов и перегородок, попадая в которое субъект претерпевает полное «превращение», отчуждение.

Напротив ризома или «клубень» — это множественность, воплощающая принципы соединения и неоднородности: любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой ее точке. Это коренное отличие от дерева, корня, которые напротив фиксируют определенную точку и порядок [6]. Очевидно, что в такой ризоморфной структуре субъект труда (работник) обладает бесконечно большими коммуникативными (нелинейными) возможностями внутри организации, наделен большими правами в решении профессиональных вопросов, склонен к самоопределению в постановке производственных задач и осуществлении проектов. Иными словами субъект становится субъектом в полном смысле этого слова: обретает власть, силу (power); познает данную ему

действительность и преобразует ее в соответствии со своими интенциями и волей; становится способен противостоять власти и доминирующим дискурсам. Это предполагает решение проблемы отчуждения (powerlessness), которая как было показано выше, имеет корни в формализованной и централизованной социальной структуре организации. Такой гибкий, ризомный, высокоскоростной тип организации (в которой социальное взаимодействие не санкционируется промежуточными и вышестоящими инстанциями, а протекает непосредственно от одного члена организации к другому) очевидно, может являться прототипом открытой организации, возможности которой к обновлению и гомеостазису (в условиях меняющихся социально-экономических реалий) безграничны.

Принципиальной характеристикой ризомной структуры, организации или предприятия, имеющей ризомный тип, является полицентричность или децентрализованность – каждая позиция, элемент, точка ризомы могут выступать ее центром. Ризомная организация социального пространства не имеет периферии, также как не имеет сегментов, складывающихся друг в друга по принципу матрешки. Ризома как клубень или разветвленное корневище, в отличие от корня или дерева имеет свойства прорасти в каждой точке своего пространства [6].

В контексте данного тезиса мы обнаруживаем вариант решения проблемы субъектности – ризомная структура социального пространства развязывает человеку руки, освобождает рот от кляпа, ставит его в центр производства своего собственного, самореферентного дискурса чего бы то ни было – труда, политики, любви, искусства. «Я есть, я существую» – кричит теперь субъект, как кричат новорожденные. Теперь он в центре, не на отшибе социальной жизни и его хорошо слышно. Преодолев инертность и фиксацию, субъект переходит в состояние движения, непрерывного самосозидания себя, самопроговаривания себя. Как точка, ускоряясь в физическом пространстве, даже чисто визуально, становится линией, так субъект становится чистой процессуальностью. Основной характеристикой субъекта, таким образом, становится интенсивность, разность скоростей его деятельности. Он становится в своем роде кочевником, олицетворением номадического (от англ. «nomad» – кочевник) способа существования. Каждый раз субъект не один и тот же, в некотором роде он множественность, но в то же самое время он и не раздроблен, ка-

ким его себе представляли ранние постмодернисты. Так, Ж. Делез пишет, что «индивидуальность должна осознать себя как событие, а осуществляющееся в себе событие – как другую индивидуальность» [4, с. 952].

Социологическое обследование ИТР крупных промышленных предприятий показало, что выявленное отчуждение можно связать с типом социальной организации, и во многом есть результат «корневой» социальной структуры: труженики отмечают ограниченность и скованность в принятии решений; говорят о трудностях, связанных с участием в решении общепроизводственных задач; отмечают невозможность вступить во взаимодействие с руководством различных уровней; свидетельствуют о сложностях в реализации своих профессиональных возможностей, стремлений и желаний, то есть рисуют картину ограниченной и нереализуемой субъектности человека труда [2].

Список использованной литературы

- 1. Бодрийяр Ж.** В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000.
- 2. Комбаров В.Ю.** Трансотчуждение как социологический феномен современности. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013.
- 3. Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. 2-е изд. Т. 1, 3, 42. М.: 1974.
- 4. Смерть субъекта** // Всемирная энциклопедия философии. М.: 2001, с. 951–953.
- 5. Appelbaum R., Bonacich E.** Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry. University of California Press, 2000.
- 6. Deleuze G., Guattari F.** Mille piani. Capitalismo e schizofrenia. Castelvechi, Roma, 2010.
- 7. Hackman J., Oldham G.** Work redesign. Addison-Wesley, 1980.
- 8. Mottaz C.** Some determinations of work alienation // Sociological Quarterly, 1981, Vol. 22(4), P. 515–529.
- 9. Morris J., Steers R.** Structural influences on organizational commitments // Journal of Vocational Behavior, 1980, Vol. 17, P. 50–57.
- 10. Seeman M.** On the Meaning of Alienation // American Sociological Review, 1959, Vol. 24, P. 784–788.
- 11. Vallas S.** The transformation of work. JAI Press, 2001.